

Ленин, наш Моисей: Евсекция и установление «диктатуры пролетариата на еврейской улице»

К 105-летней годовщине Октябрьской революции «Лехаим» приурочил спецпроект, темой которого стало такое следствие большевистской революции как Еврейская коммунистическая секция РКП(б), проще Евсекция, и ее члены — евсеки: их деятельность, портреты и судьбы. Помимо авторитетных историков, о Евсекции «от первого лица» на наших страницах рассказывает самое известное ее издание — журнал «Трибуна».

К моменту прихода партии Ленина к власти большевизм не пользовался популярностью среди еврейских рабочих, не говоря уже о «мелкой буржуазии». В 1917 году численность одного только Бунда превышала число всех евреев — членов партии большевиков более чем в десять раз. После захвата власти большевиками еврейские социалистические партии с той или иной степенью резкости осудили Октябрьский переворот.

Пожилая еврейка читает журнал «Трибуна еврейской советской общественности». 1927 Из альбома «Атлас истории евреев России».

Никакой серьезной политической работы среди «еврейского пролетариата» большевики до прихода к власти не проводили хотя бы потому, что не было достаточного количества пропагандистов, владеющих идишем. Для работы среди «еврейских масс» в январе 1918 года в составе Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) был учрежден Еврейский комиссариат (Евком). Комиссаром был назначен Семен Диманштейн. В июле 1918-го в Орле была создана первая Еврейская коммунистическая секция РКП(б), затем они возникли еще в двенадцати городах с еврейским населением. В октябре 1918-го состоялась первая конференция евсекций. В ней принимали участие наряду с коммунистами и беспартийные, в основном учителя и деятели культуры. На первой конференции еврейские коммунисты избрали Центральное бюро евсекций во главе с тем же Диманштейном. В руководство Евкома и Евсекций (чаще именуемых в единственном числе — Евсекция) входили практически одни и те же люди. Постепенно произошло фактическое слияние Евсекции и Евкома, вернее, поглощение Евкома Евсекцией.

Главной задачей Евкома и Евсекции было установление «диктатуры пролетариата на еврейской улице». Для достижения поставленной цели надо было ликвидировать еврейские общины, сионистские организации, наконец — еврейские социалистические партии. Еврейским коммунистам, имевшим за собой всю мощь советской власти, в конечном счете удалось этого достичь. Требовалось также развернуть пропаганду идей большевизма среди «еврейских трудящихся масс». Поначалу работа шла со скрипом, остро не хватало специалистов, знающих идиш. Достаточно сказать, что из трех членов редколлегии газеты «Ди вархейт» («Правда»), издававшейся Евкомом на идише с марта 1918 года, двое не знали этого языка.

Наиболее яркими фигурами в Евкоме и Евсекции были Семен (Шимон) Маркович Диманштейн (1886–1937) и Самуил Хаимович Агурский (1884–1947). Диманштейн учился в нескольких ешивах и в возрасте восемнадцати лет получил звание раввина, однако затем избрал в жизни совсем другую стезю. В 1904 году он вступил в партию большевиков, участвовал в революции 1905–1907 годов. В 1909-м был приговорен в Риге военным судом к четырем годам каторжных работ, которые отбывал в Саратовском центре. Затем последовала ссылка в Сибирь, откуда Диманштейн в 1913 году бежал и добрался до Парижа. Вернулся в Россию после Февральской революции, работал в Риге в военных организациях, редактировал «Окопную правду». После Октябрьской революции недолгое время был членом коллегии Наркомата труда, а затем был брошен партией на «еврейский фронт». Агурский окончил хедер, в двенадцатилетнем возрасте начал работать, в восемнадцать лет (в 1902 году) вступил в Бунд. В 1905-м эмигрировал в США, где работал портным и печатался в еврейской социалистической прессе на идише. В 1917-м вернулся в Россию и стал большевиком.

Деятели Евкома не скрывали своей цели. На состоявшемся 8 мая 1918 года в Москве втором съезде Союза евреев-воинов с внеочередным заявлением выступил представитель еврейского комиссариата. В резкой форме он высказал недовольство тем, что на съезде при обсуждении проблемы взаимодействия с различными общественными организациями

игнорируют вопрос о контакте с комиссариатом. Представитель Евкома заявил, что советская власть стремится к «полному уничтожению еврейских организаций, как и всяких других национальных организаций. Власть сама создает учреждения и органы, ведающие делом помощи рабочим массам. Военнопленным и солдатам евреям, истинным представителям рабочих масс, стоящим на платформе советской власти, комиссариат сам окажет нужную помощь».

Председателем президиума съезда был избран член партии народных социалистов, георгиевский кавалер А. А. Виленкин, через несколько месяцев расстрелянный большевиками за принадлежность к савинковскому «Союзу защиты родины и свободы». Речь шла в том числе и об организации самообороны в условиях нараставшей погромной волны. Докладчик (Брамс) отметил, что отношение властей к самообороне было всегда отрицательным — что при Николае II, что при «ультра-социалистической рабоче-крестьянской власти».

Сионистская «Хроника еврейской жизни», сменившая закрытый большевиками «Рассвет», иронизировала в конце 1918 года: «Еврейский комиссариат зорко охраняет свой престиж и действует согласно казакам в миниатюре Шолом-Алейхема: “Ты бьешь моих жидов, а я буду бить твоих жидов”». Скоро сионистам стало не до смеха.

В разгар Гражданской войны «евсеки» приступили к разгрому еврейских общин. Ликвидация еврейских общин, пресечение их культурно-просветительской деятельности полностью соответствовали взглядам В. И. Ленина, высказанным еще до революции. «Еврейская национальная культура, — писал он в 1913 году, — лозунг раввинов и буржуа, лозунг наших врагов».

Декрет о ликвидации еврейских автономных общин был подготовлен заместителем председателя Евсекции, членом коллегии Евкома С. Х. Агурским и утвержден наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным 11 апреля 1919 года, однако был обнародован и пущен в ход в июне. В декрете говорилось:

Центральный Комиссариат по Еврейским Национальным делам, ознакомившись с деятельностью Центрального Бюро Еврейских Общин, а также и с деятельностью Еврейских Общин, нашел: 1) что Еврейские Общины и их Центральное Бюро группируют вокруг себя явных противников интересов еврейского рабочего класса и завоеваний Октябрьской революции, 2) что названные Общины и Бюро ведут вредную политику, направленную к затемнению классового самосознания еврейских рабочих масс, 3) что Общины, беря на себя исполнение правительственных функций, например, культурно-просветительскую и социального обеспечения, дают в первом случае извращенное воспитание подрастающему еврейскому поколению в антипролетарском духе, а потому Центральный Комиссариат по Еврейским Национальным делам Постановил: Центральное Бюро Еврейских Общин и все Еврейские Общины с их Отделениями, находящиеся на территории РСФСР, закрыть навсегда.

Денежные суммы, живой и мертвый инвентарь, передаются местным Еврейским Комиссариатам.

Участники первой конференции евсекций. Самуил Агурский сидит в центре. Москва. Октябрь 1918.

Прочитав «идиотский», по его определению, декрет Евкома о ликвидации Цеваада и автономных еврейских общин, С. М. Дубнов записал в дневнике: «Эти проходимцы решили навсегда упразднить 25-вековую национальную автономию. Жалкие пигмеи!» «Проходимцы», однако же, действовали настойчиво и последовательно.

Копии постановления были разосланы на места в сопровождении циркулярного письма Диманштейна, в котором, среди прочего, говорилось:

Выполняя волю II-й Всероссийской Конференции Еврейских Коммунистических Секций Р.К.П. нами опубликовано приложенное при сем постановление о ликвидации еврейских общин. Центральный Ваад Общин и Московская Община нами ликвидированы, приступаем также к ликвидации других буржуазных организаций: сионистской организации: «Тарбут», «Гехолуц» и др.

Предлагаем Вам ликвидировать общины в Вашем городе, губернии и районе, согласно постановлению. В целях наилучшего проведения этой задачи по всей России ликвидация должна быть произведена спешно и неуклонно.

Комментируя постановление о закрытии еврейских общин, Диманштейн писал, что если в прежние времена община была «закабалена» крупной еврейской буржуазией, то после Октябрьской революции она «отразила в себе мещанство с придатком еврейских социалистических партий». Реальной силой в общинах остались только «буржуазные сионисты». Они «почувствовали свою силу в поддержке, которую им оказывает империализм Антанты, они себя чувствуют победителями, скорыми владыками Палестины и таким языком они уже и говорят». По тексту и тону статьи Диманштейна было понятно, кто станет следующим объектом атаки Евсекции и Евкома.

«Мы уверены, — писал Диманштейн, — что не золотой телец Антанты победит идею советской власти, а, наоборот, наш Моисей (Ленин) превратит тельца в пепел (может быть, просто путем реквизиции). Тогда освободится Турция от “мандата” Англии и еврейской оккупации.

Еврейский рабочий в России уже познал себя и своих классовых врагов, хотя бы в еврейском одеянии; он с ними борется, он их гонит от себя. Закрытием общин мы уменьшили сферу влияния буржуазии, и нам теперь удастся вырвать из-под их влияния остатки масс, еще плетущихся за ними.

Закрытием общин мы приближаем торжество коммунизма».

Обложка брошюры Семена Диманштейна (на идише) «В свете коммунистических идеалов». М.: Центральный комиссариат по еврейским вопросам, 1919.

Летом 1919 года руководство Сионистской организации в России попыталось добиться от советской власти подтверждения ее легального статуса. В это же время Диманштейн информировал президиум ВЧК о том, что «согласно постановлению последней конференции еврейских коммунистических секций и комиссариатов, утвержденному ЦК РКП(б), буржуазные сионистские организации подлежат ликвидации». Большевицкое руководство, учитывая международное признание сионистского движения, с одной стороны, а с другой — несовместимость сионистской идеологии с коммунистической, приняло соломоново решение: с сионистами было решено бороться «без объявления войны», путем тайных арестов и административного давления; для этого 27 июня 1919 года при секретном отделе ВЧК был образован «еврейский стол»; официально же 21 июля было

принято постановление ВЦИК, в котором говорилось: «Поскольку партия сионистов не объявлена контрреволюционной партией и пока культурно-просветительная работа сионистских организаций не противоречит решениям советской власти, Президиум ВЦИК предлагает всем советским учреждениям не чинить препятствий этой партии в ее вышеуказанной деятельности». Постановление подписал секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе.

Меньше, чем через неделю после постановления ВЦИК евсекциям на местах был разослан секретный циркуляр Центрального бюро евсекций от 27 июля 1919 года за подписью Диманштейна и секретаря ЦБ Е. Анштейна, предписывающий срочно представить материал о контрреволюционной деятельности сионистских организаций. В нем говорилось:

Приступая к ликвидации Сионистской организации со всеми ее учреждениями, мы нуждаемся в самом спешном порядке в конкретных, проверенных материалах, а также воззваниях, листках, афишах и т. д., характеризующих контрреволюционную деятельность сионистских организаций в провинции, как-то:

- восхваление Антанты и призывы к ее победе,
- выступления против Советской Власти,
- обвинения ее в антисемитизме,
- злостная критика,
- каким образом сионисты сносятся с частями их организаций, находящихся за границей и в станах Антанты,
- денежные средства, источники доходов; расходы, степень их деятельности, влияния, насколько они вредят нашей работе и т. д.
- Предлагаем Вам незамедлительно, не теряя лишнего дня выслать нам указанный материал, хотя бы по частям.

Вскоре в дело вступила ВЧК. 1 сентября 1919 года чекистами были проведены обыски в помещении ЦК Сионистской организации в Петрограде и в редакции газеты «Хроника еврейской жизни». Был арестован ряд членов и секретарей ЦК (Ю. Бруцкус, Ш. Гепштейн, А. Зейдеман, А. Раппопорт, Р. Рубинштейн, Н. Шахнович). Была конфискована касса ЦК. Ряд арестов был произведен и в Москве. Арестованных освободили, продержав в заключении от нескольких дней до полутора месяцев, газету закрыли, а печать с квартиры ЦК сняли только через пять месяцев. Любопытно, что одного из арестованных, Гепштейна, обвиняли в том, что он передает секретную информацию в Лондон из подвала собственного дома.

В Одессе лидеры сионистской организации Темкин, Пен, Вассерман, Розенталь и Гальперин арестовывались ЧК по подозрению в связях с Добровольческой армией и Антантой; сионисты М. Д. Елик, Е. А. Богоров и М. Л. Маносзон были чрезвычайкой расстреляны.

Идеологическое сопровождение репрессиям против сионистов обеспечивал Диманштейн, утверждавший, что они «тесно связались с Антантой» и находятся на стороне российской контрреволюции. «Еврейские погромы их нимало не смущают, — писал вождь Евсекции, — ибо это один из способов, чтобы заставить евреев стремиться в “собственное государство”». По словам Диманштейна, «документы, обнаруженные у сионистов во время последних обысков и арестов, вполне подтверждают это». Это была сознательная дезинформация, соперничавшая с сообщением о том, будто бы В. Е. Жаботинский назначен генерал-губернатором Палестины и играет там «роль Муравьева в Польше и Литве». Диманштейн и в дальнейшем доказывал связь сионистов с Белым движением. Характерно, что его обвинительная речь на процессе некоего Туркельтрауба, издававшего в Харькове при Деникине газету «Заря», была напечатана под заглавием «Белые сионисты на скамье подсудимых».

Новый удар по сионистам был нанесен весной 1920 года. 20 апреля в Москве в Политехническом музее собралась конференция сионистов — первый всероссийский сбор после съезда, состоявшегося в мае 1917 года. 23 апреля 75 делегатов и гостей конференции были арестованы (двоих — немолодого раввина Я. Мазе и больного Э. Чериковера — сразу отпустили). В ЧК на Лубянке, куда отвели арестованных, благо идти было недалеко, Ю. Бруцкус предъявил постановление ВЦИК, удостоверявшее, что партия сионистов не является контрреволюционной. Тогда один из чекистов заявил, что сионисты не получили разрешения на проведение конференции. Бруцкус напомнил, что, согласно советским законам, легальной организации не требуется разрешение на проведение собрания. И услышал в ответ: «Вы знаете законы, но еще не знаете порядков в ЧК. Посидите и познакомьтесь». Сионистов отправили в Бутырку, причем чекисты на всякий случай подкрепили обвинения Сионистской организации в контрреволюционности информацией о том, что у сионистов были изъяты пироксилиновые шашки. Впоследствии «Известия» опубликовали опровержение этой информации Сионистской организацией, что, несомненно, было санкционировано сверху.

В конечном счете 29 июня 1920 года шестеро сионистских лидеров были приговорены к пяти годам (Ю. Д. Бруцкус, Г. И. Гительсон, А. И. Идельсон, Р. Б. Рубинштейн, Е. М. Стеймацкий, Н. А. Шахнович), один (Э. М. Барбель) — к шести месяцам принудительных работ без лишения свободы. Все они были сразу же амнистированы. Остальных освободили еще раньше. Однако, несмотря на сравнительно мягкие меры, было ясно, что советская власть твердо держит курс на ликвидацию сионистского движения, но без лишнего шума. Начальник секретного отдела ВЧК М. И. Лацис аргументировал борьбу против сионизма, среди прочего, следующими рациональными соображениями:

«Сионизм, охватывающий почти всю еврейскую интеллигенцию, если бы ему суждено было осуществиться, немедленно лишил бы нас огромнейших кадров, необходимых для воссоздания нашего народного хозяйства».

ЦК РКП(б) санкционировал также травлю сионистов в печати. В ней, среди прочих, принял деятельное участие один из бывших лидеров Бунда Моисей Рафес. По случаю еврейского погрома в Иерусалиме, учиненного арабами 4 апреля 1920 года, и конференции Верховного совета стран Антанты в Сан-Ремо, принявшей 24 апреля Декларацию о передаче Палестины под управление Великобритании, Рафес опубликовал обширную статью в «Жизни национальностей», изданную затем отдельной брошюрой. Британский мандат включал положение о создании предпосылок для образования «еврейского национального очага» в Палестине.

Моисей Рафес. Начало 1920-х

«Вместо освобождения еврейского народа, так торжественно провозглашаемого английскими империалистами и еврейскими сионистами, — писал Рафес, — мы получаем неприкрытое порабощение англо-еврейским капиталом арабских крестьян, а с ними вместе и немногих еврейских тружеников-земледельцев Палестины. Вместо страны, «текущей молоком и медом» национальной свободы и идеологии, — простой трехдневный еврейский погром!

Что может быть глубже этого банкротства?

<...> Сионизму суждено еще сыграть до конца свою позорную роль прислужника английского империализма... *Полный отказ от сионизма* — таково ультимативное требование жизни, предъявляемое ко всем еврейским лево-социалистическим группам, и оно будет повторено III Коммунистическим Интернационалом».

Второй конгресс Коминтерна, состоявшийся в июле-августе 1920 года, в самом деле назвал «палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм» «ярким примером обмана трудящихся масс угнетенной нации, произведенного совместными усилиями империализма, Антанты и буржуазии соответствующей нации».

В результате совместных усилий Евсекции и ВЧК к концу 1920 года сионистское движение было загнано в подполье. В начале 1920-х почти все лидеры движения были вынуждены выехать за границу.

С подачи еврейских коммунистов 26 июня 1919 года Народный комиссариат просвещения принял дополнение к декрету «О школах национальных меньшинств»: «Считать родным языком еврейских трудящихся масс, населяющих Советскую Россию, еврейский язык (идиш), а не древнееврейский (иврис) [так!]». Декрет подписали зам. наркома просвещения, глава советской исторической науки М. Н. Покровский и заведующий отделом просвещения национальных меньшинств П. Н. Макинцян.

В рамках борьбы с независимыми еврейскими учреждениями был ликвидирован и Всеукраинский комитет помощи пострадавшим от погромов. Комитет был образован в период Директории, в разгар погромов. Его возглавлял сначала известный общественный деятель юрист М. Н. Крейнин, затем адвокат М. Л. Гольдштейн. Председателем Юридической комиссии комитета был один из немногих евреев-юристов, состоявших на государственной службе, Я. Л. Тейтель. «Погромный комитет» был преобразован в комиссию при одном из отделов Наркомата социального обеспечения, строго следившую за тем, чтобы собранные комитетом средства шли на восстановление трудовых хозяйств, пострадавших от погромов, но ни в коем случае не попали к «эксплуататорам». Таким образом, ограбленные четко делились по классовому принципу.

Когда в феврале 1918 года большевистские части захватили Киев, украинские бундовцы осудили их действия, а тогдашний лидер Бунда Рафес писал, что «со своей “социалистической” артиллерией большевики сделали работу за Шульгина — разгромили все достижения революции в национальном строительстве на Украине». Киевские бундовцы голосовали против признания большевистского правительства на Украине, причем голоса распределились в соотношении 762 против 11 при 7 воздержавшихся. В ответ на приказ командующего войсками красных М. А. Муравьева, в котором говорилось, что их армия «на остриях своих штыков принесла с собой идеи социализма», Рафес опубликовал резкую антибольшевистскую статью «Штыкократия».

Рафес, председатель Главного Временного Украинского Комитета Бунда, был, по признанию не очень доброжелательно настроенного к нему современника, наиболее яркой личностью из всех подвизавшихся в Киеве в 1917–1918 годах политиков. «Он был хорошим оратором — и по-русски, и по-еврейски, — искусным полемистом, опасным критиком. И, что самое главное, в нем была неисчерпаемая энергия и действенная сила». Рафес умудрялся, несмотря на различные передраги, сопровождавшие его политическую деятельность в 1918–1920 годах, фиксировать происходящее по горячим следам на бумаге и тут же свои творения печатать. 14 ноября 1918 года вместе с некоторыми другими политическими деятелями левого толка он был арестован гетманскими «вартовыми» в Киеве на совместном заседании Союза городов и земств с представителями политических и общественных организаций. Арестованные — всего 28 человек: эсеры, эсдеки, бундовцы и другие — сидели в Лукьяновской тюрьме.

«Да заметит себе читатель, — не без гордости писал Рафес, — что среди арестованных на заседании 14 ноября не было ни одного представителя коммунистической партии, ни одного большевика. Все, собранные в камеру № 1 в 6-м коридоре, вместе в течение целого года вели борьбу против большевиков. И даже среди арестованных бундистов, оказавшихся в камере на левом фланге, никто в прошлом не повинен был в отклонении в сторону большевиков. Одни в Киеве, другой в Екатеринославе, в городских Думах и в Центральной Раде — бундовцы брали на себя инициативу борьбы с большевизмом».

Вряд ли кто-нибудь мог представить, что несколько месяцев спустя бундовцы и большевики будут сражаться под одними знаменами, а Моисей Рафес в июне 1919 года вступит в РКП(б) и станет вскоре видным деятелем Евсекции.

Евсекция была преобразована в 1926 году в Еврейское бюро, которое в январе 1930 года было закрыто в порядке реализации решения о ликвидации национальных секций в ВКП(б). Поставленные перед ними задачи они выполнили. В период Большого террора почти все лидеры Евсекции были репрессированы. Диманштейн был расстрелян по обвинению в принадлежности к контрреволюционной террористической организации. Рафес умер в лагере, где отбывал 10-летнее заключение по обвинению в отравлении водопроводной системы. Самуилу Агурскому, на момент ареста члену-корреспонденту АН БССР, и вовсе вменили участие в «еврейской фашистской организации». Однако он отделался «всего лишь» ссылкой, в которой и умер. Революция, как водится, пожирала своих детей. Если уж речь зашла о детях: сын Самуила Агурского — Мэлик (Маркс, Энгельс, Ленин и Коминтерн) стал сионистом и добился в 1975 году права на репатриацию в Израиль. Яблочко упало от яблони довольно далеко. Но это уже другая история.

«Эта змея с шипением занимает достойное место в семье многоголовой контрреволюционной гидры»

Советские евреи: психоаналитический очерк

В расколдовании «евреев молчания», как называл советских евреев Эли Визель, иницирующую роль сыграло еврейство крупных городов СССР, главным образом столиц – Москвы, Киева, Вильнюса... Именно там религиозные праздники собирали массу народа, несмотря на контроль и противодействие этому властей. «Тот, кто не видел своими глазами,

как отмечается Симхат-Тора в Москве, тот никогда в жизни своей не наблюдал подлинной радости», – писал посетивший СССР в 70-е гг. XX века Визель.

Дела и люди еврейских секций

Из примерно 2 млн российских эмигрантов не менее 200 тыс. составляли евреи. Страну покинуло большинство русско-еврейской интеллигенции, религиозные лидеры. Политика военного коммунизма вела к уничтожению еврейской экономической жизни. Многие общины оказались опустошенными. И все же враждебность еврейского населения по отношению к большевистскому режиму вскоре сменилась более противоречивыми чувствами. Большевики оказались единственной серьезной силой, защищавшей евреев от насилий и погромов.